

В поисках выхода

Как указывалось выше, деятельность средств массовой информации в значительной степени определяется социально-экономической, политической, духовно-культурной ситуацией, в которой пребывает российское общество. Для обозначения особенностей этой ситуации иногда используют понятие "посткоммунизм". При этом имеют в виду не просто хронологический период, а определенную систему социальных отношений, для которой характерно соединение "диких форм зависимого капитализма с "рыночным сталинизмом" китайского образца. Несмотря на подкупающую простоту этого понятия, оно вряд ли может без значительных оговорок использоваться для обозначения сложившейся в России ситуации.

Во-первых, говорить о посткоммунизме бессмысленно, потому что в России никогда коммунизма (что бы мы ни вкладывали в это слово) не было. Был то ли "индустриальный феодализм", то ли "постиндустриальный феодализм", то ли "неофеодализм".

Во-вторых, главной особенностью предыдущего этапа российской истории было не господство коммунистической доктрины (которую подавляющее большинство населения либо не понимало, либо не воспринимало), а тотальное вмешательство государства во все аспекты жизнедеятельности общества и человека. Вмешательство, приводившее к господству политики над экономикой, доминирующей роли власти, а не собственности, подавлению интереса политической волей, а рациональности – квазирелигиозной идеологией.

У этого тоталитарного государства был свой, казавшийся прочным и незыблемым фундамент – монопольно-ведомственная милитаризованная экономика, опирающаяся на дешевую рабочую силу; свои специфические структуры и инструменты власти; своя правовая система, ассоциирующаяся у нас с бесправием гражданина и всесилием чиновника; своя идеология, спекулирующая обещаниями счастья для всех людей, достигаемого через насилие над их интересами и правами.

В огромных масштабах центральная власть контролировала деятельность средств массовой информации.

Задолго до 1985 года многим было ясно, что надо разрушить строй, игнорирующий человеческую личность, вернуться на дорогу мировой цивилизации, создать такие социальные структуры, существование которых позволило многим другим народам жить лучше нас.

Предложенные лозунги: идеологический плюрализм, многопартийность, свобода частной собственности, предпринимательство, конкуренция и т.п. вызвали энтузиазм у определенной части общества – в основном научно-технической и гуманитарной интеллигенции и прогрессивно мыслящих управленцев. Эти реформаторские группы, опиравшиеся на широкую и разнородную социальную базу, выбрали рычаги власти у консервативно настроенной верхушки КПСС.

Вместе с тем очевидно, что никому и никогда не удалось бы разрушить этот тип государства, если бы не сочетание набравшего силу реформаторского потенциала с исчерпанностью тоталитаризма советско-коммунистического типа.

В этом смысле Август–91 был закономерен. Он разрешил глубинное противоречие между объективными потребностями выживания страны, народа и Системой, блокировавшей развитие производительных сил, противоречащей интересам и правам человека. Ее историческое банкротство стало очевидным всем, потому-то она так быстро рухнула, несмотря на мощный репрессивный аппарат.

Для любой системы, переходящей из одного состояния в другое, характерны дисгармоничность, скачкообразность изменений, нарушение привычных причинно-следственных взаимосвязей. И в этом смысле переходный период общества похож на переходные периоды в жизни человека. Для внешнего наблюдателя (особенно если он продолжает находиться на том месте, где система была раньше) переживаемые ею возмущения рассматриваются как кризисы.

В определенном смысле это действительно кризисы, связанные с отмиранием прежних структур, которые, естественно, отмирать не хотят и всячески сопротивляются наступающим переменам. Однако то, что рассматривается как кризис, может на самом деле выступать как процесс освобождения от оков, в которых общество пребывало долгие годы и настолько привыкло к ним, что любое свободное движение доставляет сильнее мучения. Об этом необходимо сказать,

поскольку совершаемый нашим обществом крутой разворот привел к возникновению в различных его подсистемах значительных напряженностей. И в этом нет ничего удивительного. Россия приступила к проведению радикальных рыночных реформ в критический момент, в исключительно неблагоприятной обстановке, обусловленной катастрофическим состоянием экономики в целом, а также распадом СССР, кризисом государственного устройства Российской Федерации, ослаблением государственной власти, и множеством других факторов.

Это с одной стороны. С другой стороны, призванная Ельциным команда молодых деятелей начала проводить макроэкономические преобразования методами, которые встретили суровое осуждение многих крупнейших отечественных авторитетов и вызвали в обществе сильнейший стресс.

За год была разрушена вся просуществовавшая семь десятилетий система экономических отношений. И хотя в спешке, после бесконечных переделок были созданы предпосылки для распродажи мелких предприятий, акционирования крупных, расширилась сеть банков и бирж, открылись зоны для свободной торговли, экономическое положение страны и многих групп населения значительно ухудшилось.

На состоянии дел негативно сказывались и такие факторы, как фактическое банкротство внешнеэкономических связей; распад системы государственного управления экономикой при чрезмерно замедленном темпе перехода к рыночным регуляторам; инвестиционный кризис, выражающийся в том, что во многих отраслях износ производственных мощностей приблизился к критической отметке, их обновление практически прекратилось и даже поддержание в пригодном состоянии стало все более затруднительным из-за резкого сокращения государственных инвестиций, пока даже в малой степени не восполняемого частными, климат для которых крайне неблагоприятен. А если к этому добавить криминальность многих новых экономических структур, то получим далеко не полный перечень признаков поразившего страну системного экономического кризиса.

И хотя представители правительства утверждают, что в настоящее время спад производства в России прекратился и, следовательно, начался этап стабилизации, многие специалисты приходят к пессимистическому выводу о том, что в ближайшие годы задачи крупномасштабной реконструкции национальной экономики не могут быть даже поставлены. Могут быть поставлены и частично решены задачи институциональной подготовки такой реконструкции. Выдающиеся зарубежные экономисты говорят, что для введения рынка в России нужно около 30 лет.

Что касается характеристики государственно-политической и правовой обстановки в России последних лет, то фундаментальный факт, который должен быть взят за основу анализа, заключается в том, что после распада СССР в конце 1991 года РСФСР как государственное образование, существовавшее в качестве составной части СССР, утратила свою конституционную легитимность. В этих условиях для конструирования новой российской государственности был необходим первичный акт учредительного значения, который бы стал основой формирования суверенного Российского государства. В России этого сделано не было. В результате Советы и другие органы власти РСФСР продолжали свое существование как ни в чем не бывало. Более того, присвоив себе государственные функции, Советы рядом своих узаконений и практических акций забронировали свой правящий статус, превратили его в абсолюте, исключили какой-либо иной вариант формирования новой российской государственности. Возникновение поста президента никак не поколебало стремления Советов держать всю власть при себе, что и дало возможность многим юристам утверждать, что разгоревшийся в 1993 году конституционный кризис объясняется столкновением между несовместимыми системами власти – системой Советов, с одной стороны, и новой государственной системой, представленной президентством, с другой. В результате этого кризиса общество оказалось в состоянии государственно-правовой неопределенности, неизбежного противостояния, нескончаемой борьбы. Возникали бесчисленные конфликты, которые в конечном счете, как и всегда при двоевластии, привели к правовому хаосу, вакханалии произвола.

При этом надо иметь в виду, что победа демократов над путчистами не привела к власти совершенно не готовых к ней демократов, а заставила, как заметил Г. Попов, реформаторов-аппаратчиков и номенклатуру сделать то, что они не смогли сделать ни в 1985, ни в 1989, ни в 1991 годах, – организовать, объединиться, очиститься от рухляди идеологии, отстранить консерваторов и начать реформы. Другими словами, власть в России перешла от номенклатуры КПСС к номенклатуре без КПСС.

Следовательно, решать возникшие перед страной проблемы эта номенклатура могла только известными ей методами: указами, приказами, тотальным регулированием всего, что только поддается государственному вмешательству. Тем не менее, даже аппаратных полумер и

полурешений оказалось достаточно, чтобы общество встряхнулось от спячки. Стал развиваться новый класс частных предпринимателей, который в лице своих самых дальновидных представителей сам хочет принимать решения, контролировать власть.

Ослабление системы власти в Центре дало сильнейший импульс дезинтеграционным процессам в России. Особенно они усилились в начале 1993 года. Для регионов России характерна высокая специализация экономического развития с перекосом в сторону ВПК и традиционно высокая зависимость от Центра при отчетливом стремлении к самостоятельности. Многие регионы имеют дотационный бюджет, что вызывает иждивенческие настроения. Однако есть и такие регионы, которые в последние годы начали активно развиваться, выходя из-под влияния Центра и развивая рыночные отношения, опираясь на большой промышленный и научный потенциал, культурные и исторические традиции.

Таким образом, ситуация в регионах характеризуется соперничеством двух тенденций: набирающие силы экономические и политические реформы, поступательно раскрепощающие способности и инициативу людей, особенно молодых, как бы сталкиваются не столько с противостоянием политической оппозиции, сколько с проблемами, порожденными общей ситуацией в стране, непродуманностью стратегической линии со стороны центральной власти и, как итог, растущей неудовлетворенностью людей, разочарованием в московских реформаторах, включая Президента, а подчас и в самих реформах, по крайней мере, методах их проведения. И на этом фоне сепаратистские призывы имели достаточно благожелательный отклик.

В противовес сепаратистским стали нарастать централистские тенденции. Сторонники централистского варианта развития России считали, что причинами начавшегося распада России являются не какие-то глубинные проблемы, а стремление местной элиты, воспользовавшись слабостью центральной власти, присвоить принадлежащие ей права и привилегии.

Характеризуя политическую ситуацию в России, необходимо также иметь в виду, что ее политический ландшафт определялся и определяется взаимодействием нескольких основных сил. Демократы, государственники и национал-патриоты задают векторы того политического пространства, в котором дрейфуют множество политических группировок. Несмотря на то, что в России существуют партии разного типа, российская многопартийность приходит в однопартийное пространство, где само понятие "партия" отождествляется в массовом сознании с авторитарным государством. Отсюда стойкая неприязнь и подозрительность к самому институту политических партий, отсюда слабость, рыхлость, аморфность многих партий и общественных движений.

Таким образом, отсутствие сильной и уважаемой государственной власти, неразвитая многопартийность при засилье в законодательных и управленческих структурах представителей прежней номенклатуры, нарастание сепаратистских тенденций, выход на политическую сцену прежде незаметных маргинальных групп – все это осложняло политическую ситуацию в России в 1991–1995 годах.

Характеризуя социальный фон реформ, следует указать на то уже упоминавшееся обстоятельство, что распад прежних структур обгонял создание новых и социальная материя в образовавшемся вакууме находилась (да и сейчас находится) в неустойчивом, неравновесном состоянии. Как писал в конце 1992 года один из проницательных аналитиков, "аморфность социальной структуры, отсутствие легитимного социального субъекта собственности, нестабильность формирующейся заново экономической и политической элиты не дают пока сложиться устойчивым экономическим интересам. Раздробленность политических сил и их неукорененность, мощные авторитарные тенденции, слабость представительных структур и рыхлость исполнительной власти не обеспечивают необходимого выражения экономических интересов в политической сфере. Все это поддерживает независимость политики от экономики и в посттоталитарном обществе. Неудивительно, что и здесь сила идей преобладает над силой вещей, эмоции – над логикой, национальные ценности – над демократическими. Не случайно и то, что национализм становится одной из мощных сил посттоталитарного мира".

Еще одна проблема – ставшее следствием политики макроэкономической стабилизации осязаемое снижение уровня жизни большей части населения, сопровождаемое ностальгией по старым "добрым" временам.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что средний класс, наличие которого необходимо для политической стабильности и который мог бы стать социальной базой новой экономической политики, в настоящее время весьма малочислен. Общество быстро расслаивается на относительно обособленные страты, взаимоотношения между которыми характеризуются высокой степенью негативизма и агрессивности. Вряд ли способствует установлению социального мира и то

обстоятельство, что в стране, где десятилетиями насаждались идеалы равенства и братства, богатые тратят на жизнь в десятки раз больше чем бедные.

Переходя к анализу духовной ситуации, следует сказать о том, что для многих россиян неожиданно настал смутный момент истории. Была окончательно разрушена система абсолютных ценностей, связанных с верой в возможность создания на земле общества справедливости и равенства, в условиях не утраченной потребности масс в обладании верой в абсолюты. Возникла мучительная жажда твердой духовной опоры. На уровне России в целом речь идет о признании того факта, что страна переживает глубочайший кризис самоосознания, для выхода из которого нет готовых рецептов. Россия пытается в крайне запутанной ситуации определить, что же она представляет собой с географической, этнической и общенациональной точек зрения. В течение двух–трех лет Россия, большинство жителей которой отождествляли себя с гигантской страной по имени СССР, по большинству параметров, кроме размеров территории и ядерного потенциала, перешла в разряд средних держав, сопоставимых с Францией, Бразилией, Аргентиной, Канадой и т.п.

На уровне конкретных индивидов проблема заключается в поиске такой ценностной системы, к которой можно не просто "прислониться", но с которой можно идентифицировать себя без опасения в ближайшее время вновь остаться без духовной опоры. Общим местом в публицистике последних лет стало утверждение, что, пытаясь отбросить все то, что характеризовало нашу жизнь при прошлом общественном строе, мы с водой выплеснули и ребенка, поскольку оказались без общественного идеала, без нравственного императива, без ясной шкалы ценностей, без зажигательных лозунгов, объединяющих задач.

Намечаются два варианта выхода из этой духовной ситуации. Первый связан с требованием однозначной и отчетливой самоидентификации с Западом (при сохранении, разумеется, культурных особенностей). Несмотря на привлекательность этого варианта, следует иметь в виду, что внедрение рыночных отношений в России наталкивается на глубокие социально–психологические преграды. Структура поведенческой мотивации в нашей стране на протяжении сотен лет резко отличалась от западной, сближаясь скорее с "азиатским" Востоком. Здесь не получила распространения "протестантская этика", о которой писал М.Вебер, и которая, по его мнению, была важнейшей предпосылкой капитализма. Смирненное религиозное терпение, упорный и активный труд в поисках подтверждения своей богоизбранности, психология "честного стяжания" за века трансформировались на Западе в трудовую этику, содействовав формированию "хомо экономикус".

В России трудовая мотивация была несколько иной: у работника не было потребности продавать свой труд в размерах больших, чем это необходимо для выживания. Весьма проблематичной в этих условиях становится задача интеграции населения на новой рыночной основе. Проводимая политика капитализации не только не способна интегрировать миллионы людей, найти им место в общественной системе, но, напротив, все больше выбрасывает их из общества, обрекая на роль маргиналов.

Второй выход ориентирует на реставрацию древней идеи о мессианском предназначении Москвы (России), которая должна вновь стать мостом (щитом) между Европой и Азией, стать государством, вбирающим в себя Запад и Восток, Север и Юг и в силу этого реализующим возможность примирения существующих в мире противоречий. Аргументируя необходимость именно такой самоидентификации россиян, некоторые исследователи напоминают о том, что Россия возникла как религиозное, православное государство, которое выстояло именно в качестве независимой православной державы.

Некоторые группы, не рассчитывая больше на возможность сохранения великой многонациональной России, стремятся использовать в роли идеологического интегратора не великодержавную, а сугубо национальную идею. По их мнению, поскольку в результате происшедших событий Россия, отбросив коммунизм и не желая воспринимать либерализм, оказалась в идеологическом вакууме, только пробуждение национальной идеи сможет восполнить вакуум идей и вакуум власти. В определенном смысле это логично. В идейной пустыне, которую оставляет после себя тоталитаризм, первыми возвращаются к жизни наиболее живучие первичные формы социализации – национальные. При общей идейной неприкаянности и распаде прежних форм социализации национальное дает многим единственную возможность "прислониться" к понятной идеологии и большому "коллективному телу". Но трудно поверить в то, что национализм в России способен на нечто большее, нежели жесточайшая диктатура.